

РОДИТЕЛЯМ ДЕТЯМ

Януш Корчак

УВАЖЕНИЕ к ребенку

 ПИТЕР®

Родителям о детях

Януш Корчак

Уважение к ребенку

«Питер»

2014

УДК 37.01
ББК 74.9

Корчак Я.

Уважение к ребенку / Я. Корчак — «Питер», 2014 — (Родителям о детях)

Трогательные, открытые, нежные и беззащитные книги Януша Корчака никого не оставляют равнодушными. Прочитанные всего один раз, они не забываются, а требуют возвращения к себе, обдумывания, заставляют сверять жизнь с теми истинами, которые великий педагог так просто и естественно рассказывал в своих небольших историях. Корчак – один из немногих, кто говорит о воспитании детей без патетики и назидания, так, как будто он ваш старый друг, знающий сокровенные тайны вашей семьи. Лучик добра, полученный из его книг, согреет вас и ваших детей на многие годы. В издание включены работы Я. Корчака «Право ребенка на уважение», «Правила жизни», педагогические статьи.

УДК 37.01
ББК 74.9

© Корчак Я., 2014
© Питер, 2014

Содержание

Право детей на уважение[1]	5
Пренебрежение – недоверие	5
Неприязнь	10
Право на уважение	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Януш Корчак

Уважение к ребенку

Право детей на уважение¹

Пренебрежение – недоверие

С ранних лет мы растем в сознании, что большое важнее, чем малое.

– Я большой, – радуется ребенок, когда его ставят на стол.

– Я выше тебя, – отмечает он с чувством гордости, меряясь с ровесником.

Неприятно вставать на цыпочки и не дотянуться, трудно мелкими шажками поспевать за взрослыми, из крохотной ручонки выскальзывает стакан. Неловко и с трудом влезает ребенок на стул, в коляску, на лестницу; не может достать дверную ручку, посмотреть в окно, что-либо снять или повесить, потому что высоко. В толпе его заслоняют, не заметят и толкнут. Неудобно, неприятно быть маленьким.

¹ Впервые опубликовано в Варшаве в 1929 г. Наряду с «Как любить ребенка» эта работа в сжатой форме содержит кредо автора. В 1929 г. Корчак писал: «Каково мое теперешнее отношение к ребенку и к детскому обществу, представляет брошюра «Право ребенка на уважение».

Уважение и восхищение вызывает большое, то, что занимает много места. Маленький же повседневен, неинтересен. Маленькие люди – маленькие и потребности, радости и печали.

Производят впечатление – большой город, высокие горы, большие деревья. Мы говорим: – Великий подвиг, великий человек.

А ребенок мал, легок, не чувствуешь его в руках. Мы должны наклониться к нему, нагнуться.

А что еще хуже, ребенок слаб.

Мы можем его поднять, подбросить вверх, усадить против воли, можем насильно остановить на бегу, свести на нет его усилия.

Всякий раз, когда он не слушается, у меня про запас есть сила. Я говорю: «Не уходи, не тронь, подвинься, отдай». И он знает, что обязан уступить, а ведь сколько раз пытается ослушаться, прежде чем поймет, сдастся, покорится!

Кто и когда, в каких исключительных условиях осмелится толкнуть, тряхнуть, ударить взрослого? А какими обычными и невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку, грубые «ласковые» объятия!

Чувство слабости вызывает почтение к силе; каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, сильнее, может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой, заставить слушаться: может безнаказанно обидеть.

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, кто слабее. Плохая наука, мрачное предзнаменование.

Облик мира изменился. Уже не сила мускулов выполняет работы, обороняет от врага, не сила мускулов вырывает у земли, лесов и моря владычество, благосостояние, безопасность. Закабаленный раб – машина! Мускулы утратили свои исключительные права и цену. Тем больший почет уму и знаниям.

Подозрительный чулан, скромная келья мыслителя разрослись в залы исследовательских институтов. Нарастают этажи библиотек, полки гнутся под тяжестью книг. Святыни гордого

разума заполнились людьми. Человек науки творит и повелевает. Иероглифы цифр опять и опять обрушивают на толпы новые достижения, свидетельствуя о мощи человечества.

Все это надо охватить памятью и постичь.

Продлеваются годы упорной учебы, все больше и больше школ, экзаменов, печатного слова. А ребенок маленький, слабенький, живет еще недолго – не читал, не знает...

Мы пестуем, заслоняем от бед, кормим и обучаем. Он получает все без забот; чем он был бы без нас, которым всем обязан?

Исключительно, единственно и все – мы.

Зная путь к успеху, мы указываем и советуем. Развиваем достоинства, подавляем недостатки. Направляем, поправляем, приучаем. Он – ничто, мы – все.

Мы распоряжаемся и требуем послушания.

Морально и юридически ответственные, знающие и предвидящие, мы единственные судьи поступков, душевных движений, мыслей и намерений ребенка.

Мы поручаем и проверяем выполнение – по нашему хотению, по нашему разумению, – наши дети, наша собственность – руки прочь!

(Правда, кое-что изменилось. Уже не только воля и исключительный авторитет семьи – еще осторожный, но уже общественный контроль. Слегка, незаметно.)

Нищий распоряжается милостыней как заблагорассудится, а у ребенка нет ничего своего, он должен отчитываться за каждый даром полученный в личное пользование предмет.

Нельзя порвать, сломать, запачкать, нельзя подарить, нельзя с пренебрежением отвергнуть. Ребенок должен принять и быть довольным. Все в назначенное время и в назначенном месте, благоразумно и согласно предназначению.

Может быть, поэтому он так ценит ничего не стоящие пустячки, которые вызывают у нас удивление и жалость; разный хлам – единственная по-настоящему собственность и богатство – шнурок, коробок, бусинки.

Взамен за эти блага ребенок должен уступать, заслуживать хорошим поведением – выпроси или вымани, только не требуй! Ничто ему не причитается, мы даем добровольно.

Из-за нищеты ребенка и милости материальной зависимости отношение взрослых к детям аморально.

Мы пренебрегаем ребенком, ибо он не знает, не догадывается, не предчувствует.

Не знает трудностей и сложности жизни взрослых, не знает, откуда наши подъемы и упадки и усталость, что нас лишает покоя и портит нам настроение: не знает зрелых поражений и банкротств. Легко отвлечь внимание наивного ребенка, обмануть, утаить от него.

Он думает, что жизнь проста и легка. Есть папа, есть мама; отец зарабатывает, мама покупает. Ребенок не знает ни измены долгу, ни приемов борьбы взрослых за свое и не свое.

Свободный от материальных забот, от соблазнов и от сильных потрясений, он не может о них судить. Мы его разгадываем моментально, пронзаем насквозь небрежным взглядом, без предварительного следствия раскрываем неуклюжие хитрости.

А быть может, мы обманываемся, видя в ребенке лишь то, что хотим видеть?

Быть может, он прячется от нас, быть может, втайне страдает?

Мы опустошаем горы, вырубаем деревья, истребляем диких зверей. Там, где раньше были дебри и топи, – все многочисленнее селения. Мы насаждаем человека на новых землях.

Нами покорен мир, нам служат и зверь, и железо; поработочены цветные расы, определены в общих чертах взаимоотношения наций и задобрены массы. Далеко еще до справедливых порядков, больше на свете обид и мытарств.

Несерьезными кажутся ребячьи сомнения и протесты.

Светлый ребячий демократизм не знает иерархии. Прежде времени печалит ребенка пот батрака и голодный ровесник, злая доля Савраски и зарезанной курицы. Близки ему собака и

птица, ровня – бабочка и цветок, в камушке и ракушке он видит брата. Чуждый высокомерию выскочки, ребенок не знает, что душа только у человека.

Мы пренебрегаем ребенком, ведь впереди у него много часов жизни. Чувствуем тяжесть наших шагов, неповоротливость корыстных движений, скупость восприятий и переживаний. А ребенок бежит и прыгает, смотрит на что попало, удивляется и расспрашивает; легкомысленно льет слезы и щедро радуется.

Ценен погожий осенний день, когда солнце редкость, а весной и так зелено. Хватит и кое-как, мало ему для счастья надо, стараться не к чему. Мы поспешно и небрежно отделяемся от ребенка. Презираем многообразие его жизни и радость, которую ему легко дать.

Это у нас убегают важные минуты и годы; у него время терпит, успеет еще, подождет.

Ребенок не солдат, не обороняет родину, хотя вместе с ней и страдает. С его мнением нет нужды считаться, не избиратель: не заявляет, не требует, не грозит.

Слабый, маленький, бедный, зависимый – ему еще только быть гражданином.

Снисходительное ли, резкое ли, грубое ли, а все – пренебрежение.

Сопляк, еще ребенок – будущий человек, не сегодняшний. По-настоящему он еще только будет.

Присматривать, ни на минуту не сводить глаз. Присматривать, не оставлять одного. Присматривать, не отходить ни на шаг.

Упадет, ударится, порежется, испачкается, прольет, порвет, сломает, испортит, засунет куда-нибудь, потеряет, подожжет, впустит в дом вора. Повредит себе, нам, покалечит себя, нас, товарища по игре.

Надзирать – никаких самостоятельных начинаний – полное право контроля и критики.

Не знает, сколько и чего ему есть, сколько и когда ему пить, не знает границ своих сил. Стало быть, стоять на страже диеты, сна, отдыха. Как долго? С какого времени? Всегда. С возрастом недоверие к ребенку принимает иной характер, но не уменьшается, а даже возрастает.

Ребенок не различает, что важно, а что неважно. Чужды ему порядок, систематический труд. Рассеянный, он забудет, пренебрежет, упустит. Не знает, что своим будущим за все ответит.

Мы должны наставлять, направлять, приучать, подавлять, сдерживать, исправлять, предостерегать, предотвращать, прививать, преодолевать.

Преодолевать капризы, прихоти, упрямство. Прививать осторожность, осмотрительность, опасение и беспокойство, умение предвидеть и даже предчувствовать.

Мы, опытные, знаем, сколько вокруг опасностей, засад, ловушек, роковых случайностей и катастроф.

Знаем, что и величайшая осторожность не дает полной гарантии, – и тем более мы подозрительны: чтобы иметь чистую совесть, и случись беда, так хоть не в чем было бы себя упрекнуть.

Мил ему азарт шалостей, удивительно, как он льнет именно к дурному. Охотно слушает дурные нашептывания, следует самым плохим примерам.

Портится легко, а исправить трудно.

Мы ему желаем добра, хотим облегчить; весь свой опыт отдаем без остатка: протяни только руку – готовое! Знаем, что вредно детям, помним, что повредило нам, пусть хоть он избежит этого, не узнает, не испытает.

«Помни, знай, пойми».

«Сам убедишься, сам увидишь».

Не слушает! Словно нарочно, словно назло.

– Приходится следить, чтобы послушался, приходится следить, чтобы выполнил. Сам он явно стремится ко всему дурному, выбирает худший, опасный путь.

Как же терпеть бессмысленные проказы, нелепые выходки, необъяснимые вспышки?

Подозрительно выглядит первичное существо. Кажется покорным и невинным, а по существу хитро и коварно.

Умеет ускользнуть от контроля, усыпить бдительность, обмануть. Всегда у него готова отговорка, увертка, утаит, а то и вовсе солжет.

Ненадежный, вызывает разного рода сомнения.

Презрение и недоверие, подозрения и желание обвинить.

Печальная аналогия: дебошир, человек пьяный, взбунтовавшийся, сумасшедший. Как же – вместе, под одной крышей?

Неприязнь

Это ничего. Мы любим детей. Несмотря ни на что, они наша улада, бодрость, надежда, радость, отдых, светоч жизни. Не спугиваем, не обременяем, не терзаем; дети свободны и счастливы...

Но отчего они как бы бремя, помеха, неудобный привесок? Откуда неприязнь к любимому ребенку?

Прежде чем он мог приветствовать этот негостеприимный мир, в жизнь семьи уже вкрались растерянность и ограничения. Канули безвозвратно краткие месяцы долгожданной законной радости.

Длительный период неповоротливого недомогания завершают болезнь и боли, беспокойные ночи и дополнительные расходы. Утрачен покой, исчез порядок, нарушено равновесие бюджета.

Вместе с кислым запахом пеленок и пронзительным криком новорожденного забряцала цепь супружеской неволи.

Тяжело, когда нельзя договориться и надо додумывать и догадываться.

Но мы ждем, может быть, даже и терпеливо.

А когда наконец он начнет ходить и говорить, путается под ногами, все хватает, лезет во все щели, основательно-таки мешает и вносит непорядок – маленький неряха и деспот.

Причиняет ущерб, противопоставляет себя нашей разумной воле. Требует и понимает лишь то, что его душеньке угодно.

Не следует пренебрегать мелочами: обида на детей складывается и из раннего вставания, и смятой газеты, пятен на платьях и обоях, обмоченного ковра, разбитых очков и сувенирной вазочки, пролитого молока и духов и гонорара врачу.

Спит не тогда, когда нам желательно, ест не так, как нам хочется: мы-то думали – засмеется, а он испугался и плачет. А хрупок как! Любой недосмотр грозит болезнью, суля новые трудности.

Если один из родителей прощает, другой – в пику тому – не спускает и придирается; кроме матери имеют свое мнение о ребенке отец, няня, прислуга и соседка; и наперекор матери или тайком наказывают ребенка.

Маленький интриган бывает причиной трений и неладов между взрослыми; всегда кто-нибудь недоволен и обижен. За поблажку одного ребенок отвечает перед другим. Часто за мнимой добротой скрывается простая небрежность, ребенок делается ответчиком за чужие вины.

(Девочки и мальчики не любят, когда их называют детьми. Общее с самыми маленькими название заставляет отвечать за давнее прошлое, разделять дурную репутацию малышей, выслушивать многочисленные попреки к ним, старшим, уже не относящиеся.)

Как редко ребенок бывает таким, как нам хочется, как часто рост его сопровождается чувством разочарования!

– Кажется, ведь уже должен бы...

Взамен того, что мы даем ему добровольно, он обязан стараться и вознаграждать, обязан понимать, соглашаться и уметь отказываться; и прежде всего – испытывать благодарность. И обязанности, и требования с годами растут, а выполняются чаще всего меньше и иначе, чем мы хотели бы.

Часть идущего на воспитание времени, прав, пожеланий мы передаем школе. Удваивается бдительность, повышается ответственность, возникают столкновения противоречивых полномочий. Обнаруживаются недостатки.

Родители благосклонно простят ребенка: потворство их вытекает из ясного сознания вины, что дали ему жизнь, нанесли вред, искалечив. Порой мать ищет в мнимой болезни ребенка оружие против чужих обвинений и собственных сомнений.

Вообще голос матери не вызывает доверия. Он пристрастен, некомпетентен. Обратимся лучше ко мнению опытных воспитателей-специалистов: заслуживает ли ребенок нашего расположения?

Воспитатель в частном доме редко находит благоприятные условия для работы с детьми.

Скованный недоверчивым контролем, он вынужден лавировать между чужими указаниями и своими убеждениями, извне идущим требованием и своим покоем и удобством. Отвечая за вверенного ему ребенка, он терпит последствия сомнительных решений законных опекунов и работодателей.

Вынужденный утаивать и обходить трудности, воспитатель легко может деморализоваться, привыкнуть к двуличию; он озлобится и обленится.

С годами расстояние между тем, что хочет взрослый и к чему стремится ребенок, увеличивается: растет знание нечистых способов порабощения.

Появляются жалобы на неблагодарную работу: если бог хочет кого покарать, то делает его воспитателем.

Дети, живые, шумные, интересующиеся жизнью и ее загадками, нас утомляют; их вопросы и удивление, открытия и попытки – часто с неудачным результатом – терзают.

Реже мы – советчики, утешители, чаще – суровые судьи. Немедленный приговор и кара дают один результат: проявления скуки и бунта будут реже, зато сильнее и упорнее. Стало быть, усилить надзор, преодолеть сопротивление, застраховать себя от неожиданностей.

Так катится воспитатель по наклонной плоскости: пренебрегает, не доверяет, подозревает, следит, ловит, журит, обвиняет и наказывает, ищет приемлемых способов, чтобы не допустить повторения; все чаще запрещает и беспощаднее принуждает, не хочет видеть стараний ребенка получить написать страницу или заполнить час жизни; сухо констатирует: плохо.

Редка лазурь прощений, часты багрянцы гнева и возмущения.

Насколько большего понимания требует воспитание группы детей, настолько легче впасть здесь в ошибку обвинений и обид!

Один маленький, слабенький и то утомляет, единичные проступки и то сердят; а как надоедлива, навязчива и неисповедима в своих реакциях толпа!

Поймите же наконец: не дети, а толпа. Масса, банда, свора – не дети.

Ты сжился с мыслью, что ты сильный, и вдруг чувствуешь себя маленьким и слабым. Толпа, этот великан с большим общим весом и суммой громадного опыта, то сплывается в солидарном отпоре, то распадается на десятки пар ног и рук – голов, каждая из которых таит иные мысли и сокровенные желания.

Как трудно бывает новому воспитателю в классе или в интернате, где дети, содержавшиеся в строгом повиновении, обнаглевшие и опустошенные, организовались на основах бандитского насилия! Как сильны они и грозны, когда общими усилиями ударят в твою волю, желая прорвать плотину, – не дети, стихия!

Сколько их, скрытых революций, о которых воспитатель умалчивает; ему стыдно признаться, что он слабее ребенка.

Раз проученный, воспитатель ухватится за любое средство, чтобы подавить, покорить. Никаких фамильярностей, невинных шуток; никаких бурчаний в ответ, передергиваний плечами, жестов досады, упрямого молчания, гневных взглядов! Вырвать с корнем, мстительно выжечь пренебрежение и злобную строптивость! Вожаков он подкупит особыми правами, подберет себе приспешников, не позаботится о справедливости наказаний, были бы суровы, – в назидание, чтобы вовремя погасить первую искру бунта, чтобы толпа-богатырь даже мысленно не отваживалась разгуляться или ставить требования.

Слабость ребенка может пробуждать нежность, сила ребячьей массы возмущает и оскорбляет.

Существует ложное обвинение, что от дружеского обращения ребята наглеют и ответом на доброту будут недисциплинированность и беспорядки.

Но не станем называть добротой беспечность, неумение и беспомощную глупость. Кроме продувных хапуг и мизантропов среди воспитателей встречаются люди никчемные, не удержавшиеся ни на одной работе, не способные ни к какому ответственному посту.

Бывает, учитель заигрывает с детьми, хочет быстро, дешево, без труда вкрасаться в доверие. Хочет порезвиться, если в хорошем настроении, а не кропотливо организовывать жизнь коллектива. Подчас эти барские побрякушки перемежаются с приступами дурного настроения. Такой учитель делает себя посмешищем в глазах детей.

Бывает, честолюбцу кажется, что легко переделать человека, убеждая и ласково наставляя: стоит лишь растрогать и выманить обещание исправиться. Такой учитель раздражает и надоедает.

Бывает, напоказ – друзья, на словах – союзники, на деле – коварнейшие враги и обидчики. Такие учителя вызывают отвращение.

Ответом на третирование будет пренебрежение, на дружелюбие – неприязнь, бунт, на недоверие – конспирация.

Годы работы все очевиднее подтверждали, что дети заслуживают уважения, доверия и дружеского отношения, что нам приятно быть с ними в этой ясной атмосфере ласковых ощущений, веселого смеха, первых бодрых усилий и удивлений, чистых, светлых и милых радостей, что работа эта живая, плодотворная и красивая.

Одно лишь вызывало сомнение и беспокойство.

Отчего подчас самый надежный – и подведет? Отчего – правда, редко, но бывают – внезапные взрывы массовой недисциплинированности всей группы? Может, взрослые не лучше, только более солидные, надежные, спокойней можно на них положиться?

Я упорно искал и постепенно находил ответ.

1. Если воспитатель ищет в детях черты характера и достоинства, которые кажутся ему особенно ценными, если хочет сделать всех на один лад, увлечь всех в одном направлении, его введут в заблуждение, одни подделаются под его требования, другие искренне поддадутся внушению – до поры до времени. А когда выявится действительный облик ребенка, не только воспитатель, но и ребенок болезненно ощутит свое поражение. Чем больше старание замаскироваться или повлиять – тем более бурная реакция; ребенку, раскрытому в самых своих доподлинных тенденциях, уже нечего терять. Какая важная отсюда вытекает мораль!

2. Одна мера оценки у воспитателя, другая у ребят: и он, и они видят душевное богатство; он ждет, чтобы это душевное богатство развилось, а они ждут, какой им будет прок от этих богатств уже теперь; поделится ли, чем владеет, или сочтет себя вправе не дать – гордый, завистливый эгоист, скряга! Не расскажет сказки, не сыграет, не нарисует, не поможет и не услужит – «будто одолжение делает», «упрашивать надо». Попав в изоляцию, ребенок широким жестом хочет купить благосклонность у своего ребячьего общества, которое радостно встречает перемену. Не вдруг испортился, а, наоборот, понял и исправился.

3. Все подвели, всем скопом обидели.

Я нашел объяснение в книжках о дрессировке зверей – я не скрываю источника. Лев не тогда опасен, когда сердится, а когда разыграется, хочет пошалить; а толпа сильна, как лев.

Решение надо искать не столько в психологии, сколько – и это чаще – в медицине, социологии, этнологии, истории, поэзии, криминалистике, в молитвеннике и в учебнике по дрессировке. *Ars Longa*².

² Первая часть латинской пословицы «*Ars longa, vita brevis est*» – «Искусствоечно, жизнь коротка».

4. Настал черед самого солнечного (о, хоть бы не последнего!) объяснения. Ребенка может опьянить кислород воздуха, как взрослого водка. Возбуждение, торможение центров контроля, азарт, затмение; как реакция – смущение, неприятный осадок – изжога, сознание вины. Наблюдение мое клинически точно. И у самых почтенных граждан может быть слабая голова.

Не порицать: это ясное опьянение детей вызывает чувство растроганности и уважения, не отдаляет и разделяет, а сближает и делает союзниками.

Мы скрываем свои недостатки и заслуживающие наказания поступки. Критиковать и замечать наши забавные особенности, дурные привычки, смешные стороны детям не разрешается. Мы строим из себя совершенства. Обнажать бесстыдно и ставить к позорному столбу можно лишь ребенка.

Мы играем с детьми краплеными картами; слабости детского возраста бьем тузами достоинств взрослых. Шулеры, мы так подтасовываем карты, чтобы самому плохому в детях противопоставить то, что в нас хорошо и ценно.

Где наши лежебоки и легкомысленные лакомки-гурманы, дураки, лентяи, лодыри, авантюристы, люди недобросовестные, плуты, пьяницы и воры? Где наши насилия и явные и тайные преступления? Сколько дрязг, хитростей, зависти, наговоров, шантажей, слов, что калечат, дел, что позорят! Столько тихих семейных трагедий, от которых страдают дети, первые мученики-жертвы!

И смеем мы обвинять и считать их виновными?!

А ведь взрослое общество тщательно просеяно и процежено. Сколько человеческих подонков и отбросов унесено водосточными канавами, вобрано могилами, тюрьмами и сумасшедшими домами!

Мы велим уважать старших, опытных, не рассуждая; а у ребят есть и более близкое им начальство – подростки, с их навязчивым подговариванием и давлением.

Преступные и неуравновешенные ребята бродят без призора и пихаются, расталкивают и обижают, заражают. И все дети несут за них солидарную ответственность (ведь и нам, взрослым, подчас от них чуть-чуть достается). Эти немногие возмущают общественное мнение, выделяясь яркими пятнами на поверхности детской жизни; это они диктуют рутине ее методы; держать детей в повиновении, хотя это и угнетает, в ежовых рукавицах, хотя это и ранит, обращаться сурово, а значит, грубо.

Мы не позволяем детям организоваться; пренебрегая, не доверяя, недолголюбивая, не заботимся о них: без участия знатоков нам не справиться; а знатоки – это сами дети.

Неужели мы столь некритичны, что ласки, которыми мы преследуем детей, выражают у нас расположение? Неужели мы не понимаем, что, лаская ребенка, это мы принимаем его ласку, беспомощно прячемся в его объятиях, ищем защиты и прибежища в часы бездомной боли, бесхозной покинутости – слагаем на него тяжесть страданий и печалей?

Всякая иная ласка – не бегство к ребенку и не мольбы о надежде – это преступные поиски и пробуждение в нем чувственных ощущений.

«Обнимаю, потому что мне грустно. Поцелуй, тогда дам».

Эгоизм, а не расположение.

Право на уважение

Есть как бы две жизни: одна – важная и почтенная, а другая – снисходительно нами допускаемая, менее ценная. Мы говорим: будущий человек, будущий работник, будущий гражданин. Что они еще только будут, что потом начнут по-настоящему, что всерьез это лишь потом. А пока милостиво позволяем им путаться под ногами, но удобнее нам без них.

Нет! Дети были, и дети будут. Дети не захватили нас врасплох и ненадолго. Дети – не мимоходом встреченный знакомый, которого можно наспех обойти, отделавшись улыбкой и поклоном.

Дети составляют большой процент человечества, населения, нации, жителей, сограждан – они наши верные друзья. Есть, были и будут.

Существует ли жизнь в шутку? Нет, детский возраст – долгие, важные годы в жизни человека.

Жестокие законы Древней Греции и Рима позволяют убить ребенка. В Средние века рыбаки вылавливают из рек неводом тела утопленных младенцев. В XVII веке в Париже детей постарше продают нищим, а малышей у собора Парижской богородицы раздают даром. Это еще очень недавно! И по сей день ребенка бросают, когда он помеха.

Растет число внебрачных, подкинутых, беспризорных, эксплуатируемых, развращаемых, истязуемых детей. Закон защищает их, но в достаточной ли мере? Много изменилось на свете, старые законы требуют пересмотра.

Мы разбогатели. Мы пользуемся уже плодами не своего, а чужого труда. Мы наследники, акционеры, совладельцы громадного состояния. Сколько у нас городов, зданий, фабрик, шахт, гостиниц, театров! Сколько на рынках товаров, сколько кораблей их перевозит! Налетают потребители и просят продать.

Подведем баланс, сколько из общей суммы причитается ребенку, сколько падает на его долю не из милости, не как подавание. Проверим на совесть, сколько мы выделяем в пользование ребячьему народу, малолетней нации, закрепощенному классу. Чему равно наследство и каким обязан быть дележ; не лишили ли мы, нечестные опекуны, детей их законной доли – не экспроприировали ли?

Тесно детям, душно, скучно, бедная у них, суровая жизнь.

Мы ввели всеобщее обучение, принудительную умственную работу; существует запись и школьная рекрутчина. Мы взвалили на ребенка труд согласования противоположных интересов двух параллельных авторитетов.

Школа требует, а родители дают неохотно. Конфликты между семьей и школой ложатся всей тяжестью на ребенка. Родители солидаризуются с не всегда справедливыми обвинениями ребенка школой, чтобы избавиться себя от навязываемой ею опеки над ребенком.

Солдатская учеба тоже лишь подготовка к дню, когда призовут солдата к подвигу; но ведь государство обеспечивает солдата всем. Государство дает ему крышу над головой и пищу; мундир, карабин и денежное довольствие являются правом его, не милостыней.

А ребенок, подлежа обязательному всеобщему обучению, должен просить подавания у родителей или общины.

Женевские законодатели спутали обязанности и права; тон декларации³ не требование, а увещание: воззвание к доброй воле, просьба о благосклонности.

Школа создает ритм часов, дней и лет. Школьные работники должны удовлетворять сегодняшние нужды юных граждан. Ребенок – существо разумное, он хорошо знает потребности,

³ Декларация прав ребенка, принятая в Женеве Международной унией помощи детям и утвержденная затем Лигой Наций в 1929 г.

трудности и помехи своей жизни. Не деспотичные распоряжения, не навязанная дисциплина, не недоверчивый контроль, а тактичная договоренность, вера в опыт, сотрудничество и совместная жизнь!

Ребенок не глуп; дураков среди них не больше, чем среди взрослых. Облаченные в пурпурную мантию лет, как часто мы навязываем бессмысленные, некритичные, невыполнимые предписания! В изумлении останавливается подчас разумный ребенок перед агрессией язвительной седовласой глупости.

У ребенка есть будущее, но есть и прошлое: памятные события, воспоминания и много часов самых доподлинных одиноких размышлений. Так же как и мы – не иначе, – он помнит и забывает, ценит и недооценивает, логично рассуждает и ошибается, если не знает. Осмотрительно верит и сомневается.

Ребенок – иностранец, он не понимает языка, не знает направления улиц, не знает законов и обычаев. Порой предпочитает осмотреться сам; трудно – попросит указания и совета. Необходим гид, который вежливо ответит на вопросы.

Уважайте его незнание!

Человек злой, аферист, негодяй воспользуется незнанием иностранца и ответит невразумительно, умышленно вводя в заблуждение. Грубиян буркнет себе под нос. Нет, мы не добродетельно осведомляем, а грыземся и лаем с детьми – отчитываем, выговариваем, наказываем.

Как плачевно убоги были бы знания ребенка, не приобрети он их от ровесников, не подслушай, не выкради из слов и разговоров взрослых.

Уважайте труд познания!

Уважайте неудачи и слезы!

Не только порванный чулок, но и поцарапанное колено, не только разбитый стакан, но и порезанный палец, синяк, шишку – а значит, боль.

Клякса в тетрадке – это несчастный случай, неприятность.

«Когда папа прольет чай, мамочка говорит “Ничего”, а мне всегда попадает».

Непривычные к боли, обиде, несправедливости, дети глубоко страдают и потому чаще плачут, но даже слезы ребенка вызывают шутки, кажутся менее важными, сердят.

«Ишь, распищался, ревет, скулит, нюни распустил».

(Букет слов из словаря взрослых, изобретенный для детского пользования.)

Слезы упрямства и каприза – это слезы бессилия и бунта, отчаянная попытка протеста, призыв на помощь, жалоба на халатность опеки, свидетельство того, что детей неразумно стесняют и принуждают, проявление плохого самочувствия и всегда – страдание.

Уважайте собственность ребенка и его бюджет! Ребенок делит со взрослыми материальные заботы семьи, болезненно чувствует нехватки, сравнивает свою бедность с обеспеченностью соученика, беспокоится из-за несчастных грошей, на которые разоряет семью. Он не желает быть обузой.

А что делать, когда нужно и шапку, и книжку, и на кино; тетрадку, если она исписалась, и карандаш, если его взяли или потерялся; а ведь хотелось бы и дать что-либо на память близкому другу, и купить пирожное, и одолжить соученику. Столько существенных нужд, желаний и искушений – и нет!

Не вопиет ли факт, что в судах для малолетних преобладают именно дела о кражах? Недооценка бюджета ребенка мстит за себя – наказания не помогут. Собственность ребенка – это не хлам, а нищенски убогие материалы и орудия труда, надежды и воспоминания.

Не мнимые, а подлинные сегодняшние заботы и беспокойства, горечь и разочарования юных лет.

Ребенок растет. Интенсивнее жизнь, чаще дыхание, живее пульс, ребенок создает себя – его все больше и больше; глубже вращается в жизнь. Растет днем и ночью, и когда спит и когда бодрствует, и когда весел и когда печален, когда шалит и когда стоит перед тобой и кается.

Бывают весны удвоенного труда развития и осенние затишья. Вот разрастается костяк и сердце не поспевает; то недостаток, то избыток; иной химизм угасающих и развивающихся желез, иные неожиданности и беспокойство.

То ему надо бегать – так, как дышать, – бороться, поднимать тяжести, добывать; то затаиться, грезить, предаться грустным воспоминаниям. Попеременно то закалка, то жажда покоя, тепла и удобства. То сильное горячее стремление действовать, то апатия.

Усталость, недомогание (боль, простуда), жарко, холодно, сонливость, голод, жажда, недостаток чего-либо или избыток, плохое самочувствие – это не каприз и не школьная отговорка.

Уважайте тайны и отклонения тяжелой работы роста!

Уважайте текущий час и сегодняшний день! Как ребенок сумеет жить завтра, если мы не даем ему жить сегодня сознательной, ответственной жизнью?

Не топтать, не помыкать, не отдавать в рабство завтрашнему дню, не остужать, не спешить и не гнать.

Уважайте каждую отдельную минуту, ибо умрет она и никогда не повторится, и это всегда всерьез; раненая минута станет кровоточить, убитая – тревожить призраком дурных воспоминаний.

Позволим детям упиваться радостью утра и верить. Именно так хочет ребенок. Ему не жаль времени на сказку, на беседу с собакой, на игру в мяч, на подробное рассматривание картинки, на перерисовку буквы, и все это любовно. Он прав.

Мы наивно боимся смерти, не сознавая, что жизнь – это хоровод умирающих и вновь рождающихся мгновений. Год – это лишь попытка понять вечность по-будничному. Миг длится столько, сколько улыбка или вздох. Мать хочет воспитать ребенка. Не дождется! Снова и снова иная женщина иного встречает и провожает человека.

Мы неумело делим годы на более и менее зрелые; а ведь нет незрелого сегодня, нет никакой возрастной иерархии, никаких низших и высших рангов боли и радости, надежды и разочарований.

Играю ли я или говорю с ребенком – переплелись две одинаково зрелые минуты моей и его жизни; и в толпе детей я всегда на мгновение встречаю и провожаю взглядом и улыбкой какого-нибудь ребенка. Сержусь ли – мы опять вместе, – только моя злая мстительная минута насилует его важную и зрелую минуту жизни.

Отрекаться во имя завтра? А чем оно так заманчиво? Мы всегда расписываем его слишком яркими красками. Сбывается предсказание: валится крыша, ибо не уделено должного внимания фундаменту здания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.